Обнимаю ваше одиночество

Автор:
Вячеслав Прах

Обнимаю ваше одиночество

Вячеслав Прах

Этот сборник состоит из наблюдений автора, из зарисовок о людях и ситуациях, которые нашли отклик в его душе. В узнаваемом авторском стиле Вячеслав Прах вместе с читателем пытается разобраться, какова на вкус влюбленность и какой оттенок у обиды, осознать, как трудно расставаться с людьми, с которыми не по пути, и как легко смеяться с друзьями, прикрывающими твой тыл. Каждая из представленных в сборнике миниатюр – это пережитые эмоции, вся правда о том, что творится в душе, когда живешь и чувствуешь.

Вячеслав Прах

Обнимаю ваше одиночество

Сборник миниатюр, прожитых мною эмоций, которыми захотелось поделиться со своими читателями.

Мое третье произведение (первое – «Нежность», второе – «Грубый секс и нежный бунт»), которое я не писал, а прожил, пропустив все сказанное через себя. Прочувствовав каждый свой рассказ на себе же самом, распробовав вкус и горечи, и сладости.

Это маленькие зарисовки, которые так и не стали чем-то большим. Пусть они останутся здесь, в этом сборнике – сборнике моих настроений, влюбленностей, счастливых моментов и моментов несчастья.

Спасибо каждому человеку, вдохновившему меня написать о нем и о нас.

Благодарю каждого, кто читает меня. Кто давно со мной и недавно. Кто находит в своей душе отклик на мое искусство. Это моя самореализация в этом мире. Это мой смысл, когда слышу свой голос, а не чужие.

Шлейф

Я слушал дорогих мне людей, как шум помех на канале, где не было ни картинки, ни звука; они делились своими новостями, планами, я кивал головой и бессовестно ничего не слушал.

Я был не с ними, я жил мгновением – несколькими часами ранее. Я жил в том моменте, когда встретился с девушкой, от которой веяло штормом, адреналином, смехом, а еще изредка – не то отстраненностью, не то смущением.

Я не понял, почему все так случилось, с ураганом эмоций внутри, хотя должно было по задумке произойти тихо и мирно. Возможно, потому, что я ничего не ждал и ничего себе не представлял, а просто доверился моменту.

Кажется, мне подошла ее энергия, тот невидимый поток, которым она была окутана, который исходил от нее. Который заявил о ней громче и убедительнее, чем ее голос. Мне подошла ее энергия: она была неугомонная, дикая, объемная, как буйные волны, разбивающиеся о рифы; я наслаждался ею, я не притрагивался к ее телу, лишь периодически «случайно» касался ее руки или плеча своим плечом во время ходьбы.

Мне хотелось прикасаться к ней, но не было тогда еще повода касаться ее не случайно.

Я не позволял себе ничего лишнего, мы просто наслаждались общением и прогулкой у озера в солнечный весенний день.

Тот случай, когда встречаешь энергию-человека, а не человека-энергию, человека с энергией внутри такой, какая подходит именно тебе. Она ласково тебя обнимает, но в тот же час в ней чувствуется и дрожь почвы от землетрясений, и нежность уходящего пред закатом солнца.

И я понял: как удивительно, встречи с людьми даются мне для того, чтобы я сложил пазл под названием «я» – меня привлекает в людях энергия грубая и нежная одновременно, бушующая и в одночасье мирная, бушующая мирно, когда гром сменяется умиротворенностью, тихим, ласковым ветерком.

Похоже на тот случай, когда не подавляешь энергию злостью, обидами, страхами, запретами, трусостью. Тогда энергии много – она громкая, она осязаема, она очень приятна и светла, как состояние человека, простившего должнику его долг.

Я прогуливался с ней раз за разом на протяжении дня, вечера и ночи, прокручивая эпизоды той странной, но приятной для меня встречи. Это было похоже на объятие, но без тел. На поцелуй, но без губ. На принятие, всего лишь принятие той энергии, которой был наполнен человек и которая пришлась мне по кайфу.

Парфюм оставляет шлейф. Так вот энергия-человек оставляет бесподобный, стойкий след, подобный ароматной, пьянящей дымке в воздухе, заставляющий обернуться вслед своему воспоминанию бессчетное количество раз после встречи.

Возможно, для каждого человека есть свои энергии-люди, но он может оценить, почувствовать, увидеть их лишь тогда, когда они подходят именно ему.

С такими людьми чувствуешь наполнение и взаимообмен, у самого пробуждается такой объем энергии, которым можно касаться без рук, заявлять о себе без слов, оставляя после себя стойкий шлейф.

Штормит

А знаешь, мальчишка, бывает, штормит. Переполняют эмоции, состояние чистейшего кайфа, с которым не сравнится алкогольное опьянение. С этим сравнится лишь радость от достигнутой цели, первый поцелуй (от него штормит еще больше) и встреча с дорогими людьми (долгожданная встреча после длительной разлуки).

Не закрывайся, чудесный, от этого: отдайся этому неконтролируемому потоку, если чувствуешь свет и взаимность, если умеешь платить за свой опыт. Мне один человек, который не боится и не боялся жить, сказал, что это большое везение – испытывать подобное. Важно научиться принимать это, быть благодарным другому человеку за то, что сумел пробудить в тебе подобные чувства, мысленно говоря ему: спасибо тебе, что я чувствую себя живым, нося внутри тебя и то волшебство, которое я отыскал в себе, глядя на тебя; благодарю тебя за то, что ты есть в моей жизни, за то, что ты уделяешь мне свое время, что даришь мне свою энергию, я ее принимаю и отдаю в ответ свою.

Я верю в то, что я могу кайфовать здесь и сейчас, в эту минуту, когда ты рядом со мной или далеко.

Мне хорошо.

Я не провидец, я – живой человек, я хочу научиться жить здесь и сейчас. Радоваться здесь и сейчас. Жить с этим кайфом внутри и не закрываться от него.

Мой друг

Мой друг принимает меня таким, какой я есть, он всегда рядом. Я чувствую его присутствие в своей жизни даже во время его отсутствия.

Он есть, когда у меня гадко на душе, когда я болен, невыносим и груб (он не прячется от меня и не ждет, когда пекло исчезнет, он, как Вергилий, мой верный спутник и поэт, идущий бесстрашно в самые глубины моего ада); он есть и тогда, когда у меня праздник.

А я готов принять его пекло и праздник.

Он принимает меня здесь и сейчас, таким, каким я выбрал быть: и если будет нужно, он упрется спиной в мою спину и будет смотреть в глаза тому, кто захочет вылить на меня помои или всадить в меня нож.

Мой друг – это моя любовь, другая форма любви, не требующая прикосновений, поцелуев, близости; это мой родственник, это моя отрада. Мне не нужно его видеть каждый день, но мне важно чувствовать его каждый день, мне не нужно от него ничего, кроме того, что он есть, и чтобы он знал, что у него есть я.

Я говорил про друга. И только что понял, что мечтаю о такой же достойной и взаимной любви.

Есть души черные, как уголь…

Есть души черные, как уголь.

Их мысли темные, как ночь.

Им ненавистен мир, потому что они ненавистны сами себе. Не думайте, что оскорбить вас, вылить на вас ведро грязи и помоев – это что-то глубоко личное для них. Нет, это лишь последствие своей тайной ненависти к собственной персоне.

Тренируют язык, а не силу воли. Удел – ненависть, злоба, такие отвратительные слова, что сразу же появляется презрение, даже без привкуса жалости, лишь позже – сочувствие. Как тяжело жить с такой душой. Но и жалеть не хочется, потому что это – выбор. Выбор, сделанный в угоду слабостям.

Самое страшное и губительное для них – это питать себя иллюзиями, что все люди такие, как они, и ко всем нужно обращаться с такой же ненавистью и неуважением, с какими они относятся к себе.

Заметьте, у них нет друзей и тех людей, которые могли бы прийти в трудную минуту. Тех людей, с которыми можно отдохнуть душой, посмеяться, пошутить и расслабиться.

Но не из-за того, что они, такие сильные, уверенные в себе и нужные, сами делают выбор шагать по жизни в одиночку, а потому что их окружение делает такой выбор.

Чтобы они шагали в одиночку.

И большинство уважающих себя людей даже не станут отвечать им, лишь бы самим так низко не упасть.

Никто их за это судить не будет, вы даже не представляете, как справедлива жизнь.

Милые, добрые мама и папа, два ангела, давшие жизнь, беззащитны от любви к своему чаду и весь удар на себя готовы принять за ненавистный для любимого ребенка мир, за всю ту ненависть, неуважение и нелюбовь к себе. Как же им больно, ангелам.

Не только нам ненавистники делают больно. Нам – только один раз, потому что второй раз уже близко не подпустим их, а своих родных они убивают целую жизнь, покуда душа не желает себя отмыть.

Нет, не желайте таким душам, что чернее угля, страшной кары и смерти. Жизнь справедлива. Очень справедлива.

Они живут в аду, и их родные живут в аду, и каждый, столкнувшийся с ними, почувствует жар разрушающего пламени и вонь пекла, что внутри.

Не жалейте их – человек приспосабливается ко всему, и, даже будучи лишенным света, он может считать свою жизнь яркой и счастливой.

Пройти мимо и следить за собой, за своими поступками и своей душой.

А они пусть себе ищут врага снаружи.

Обида

Я проснулся с чувством обиды. Это чувство было во мне столь глубоко и громко, что мне трудно было элементарно встать с матраса и пойти умыться, будто невидимые цепи сковали мое тело.

Я был лишен энергии, моя обида, как голодный, всепоглощающий монстр, высасывала всю жизнь из меня: радость, мою страсть к планам и целям. Когда я просыпался и думал о своих планах, я наполнялся силами, уверенностью и стремлением, принимая решение улыбнуться, встать и идти.

Но я лежал, потому что не мог смириться с несправедливостью одного конкретного человека по отношению ко мне. Я не мог этого понять, я не мог этого простить, я не мог больше подпустить его близко к себе.

Старая, казалось, давно пережитая и забытая боль снова начала меня искать, а я охотно шел ей навстречу. Кажется, мне хотелось страдать, иначе я не понимал, почему столько боли во мне, связанной с этой обидой, и почему я прыгаю в эту боль, ныряю, почему она мною так управляет.

Душа начала темнеть, мир начал видеться в другом цвете – в цвете безразличия, серости, боли. Казалось, связь с чем-то высшим (вселенной и своим истинным голосом) была разорвана после того, как я позволил этой обиде овладеть своими мыслями.

Я понимал, что нужно принимать решение вставать и идти вперед, с такой ношей я не приду к своей цели, к ней нужно идти налегке, без тяжести на своем горбу. Нужна энергия, много энергии, а эта тварь пожирает ее, с этой тварью внутри – я себя уничтожу.

Нечестно было бы снова сказать «прощаю», если я не готов простить сейчас, в эту минуту, за эту боль. Мне казалось, что человека нужно просто вычеркнуть из своей жизни навсегда, не давая ему шанса завладеть чем-то большим, чем «Привет, у меня все хорошо».

«Как так, ты не можешь меня простить?»

Да, вот так, дружок, я делаю плохо самому себе и понимаю это. Можно мысленно сказать «прощаю тебя», а через годы проснуться после плохого сна и заживо сгорать от обиды, чувствуя себя инвалидом, прикованным к матрасу, хотя вроде давно уже за все простил и не вспоминал об этом.

Да, так бывает.

Чтобы прощать, нужно себя чувствовать маленькой, безобидной букашкой, тянущейся к свету, воздушным шариком, а не чем-то разъяренным, особенным, напыщенным. И пока я запирал эту боль, эту дорогую моему сердцу обиду в старый, ржавый сундук, возвращаясь к привычным делам, я понял, что есть еще один вопрос в моей душе: откуда взялась напыщенность и как снова стать воздушным шариком и летать так же легко, как это делают мотыльки и пустые пакеты, когда ими управляет ветер.

И, похоже, бывают такие случаи, когда прощать можно не один раз. Делая выбор ради самого себя, будучи легким, как перышко; даже если шрам один, то прощать за него можно больше одного раза, если с первого раза не получается. Но прощать нужно, прощать эгоистично, потому что хочется быть в гармонии с собой и миром, улыбаться, слышать свой собственный голос, ощущать в себе силу, а не уничтожать себя.

Никаких оценок

Не давать никому оценки, не делить на добро и зло – следить исключительно за собой. Как только нарушается это правило – все рушится в одночасье: гармония внутри исчезает, искренность испаряется. Пускаешь в себя обиды, какие-то тяжелые воспоминания, на плечи наваливается груз, ответственность за ошибки других людей, ты их перевариваешь, не принимаешь, начинаешь тяжело дышать, на грудь что-то тяжелое давит постоянно, появляется бессонница, улыбка исчезает с лица, чувствуешь себя отвратительно. Со временем, если не спрыгнешь с этого гниющего состава оценок и обид, сам начнешь поступать так же, как и те, кого осуждаешь.

Да еще и оправдывать себя: я – святой, а они – уроды. Я – жертва/мученик, а они – обидчики. Это нехорошая роль.

Если я думал, что у каждого человека внутри есть палач, который карает внутреннего негодяя плетью за его проступки, то, кажется, ошибался. У одного из ста он может отсутствовать.

Меня разбаловало мое прекрасное окружение. Я слишком болезненно переношу подлость и несправедливость. Нужно принять во что бы то ни стало, что некоторые люди не способны попросить прощения, что они не смотрят на мир моими глазами (не видят причиненной боли) и им глубоко плевать, как они поступили.

Это очень трудно сделать, но мне нужно этому научиться, иначе я буду спотыкаться об этот булыжник, падать и разрушать себя каждый раз, сталкиваясь с какой-то несправедливостью по отношению ко мне и тем, кто мне дорог.

Я показал в «Грубом сексе и нежном бунте», что ненависть, обиды, осуждение разрушают душу. Но я не написал, что, принимая свое окружение, выбирая его, будучи открытым с ними, дружелюбным и честным (не пряча за спиной нож или какие-то неискренние намерения), я становлюсь сильнее, а общение с людьми приносит удовольствие, наполнение меня и их, совместный кайф. Но как только начнешь осуждать, хотя бы одного человека в этом мире, как только позволишь кровоточить каким-то ранам прошлого – теряешь душевное равновесие, спокойствие моментально и остаешься один-одинешенек со своими обидами, укорами.

В бесцветном, безвкусном мире исчезает мотивация просыпаться и идти к своим целям. Все вмиг становится безразлично.

С самыми близкими можешь разделить свой ад, но они не помогут выбраться из этой ямы. Они подадут руку, а ты, будучи тяжелым, как истукан с острова Пасхи, попытаешься вылезти – тебе самому неприятно в этой душевной мясорубке, холодной дыре, – но упадешь обратно, а может, еще и затащишь на какое-то время в яму кого-то из них. Нужно найти в себе силы распрощаться с теми драгоценными мешками обид, чтобы вылезти, это очень непросто, но другого

пути нет, чтобы спастись.

Нельзя зафиксировать навсегда радость в душе. Я могу целый месяц просыпаться с хорошими мыслями, быть энергичным, улыбчивым, кайфовать от жизни, себя и людей, а в какой-то момент споткнусь, упаду…

И все сначала.

Помните слова главной героини в «Грубом сексе…»: «Счастье, на мой взгляд, это большой труд. Труд над собой». Я бы дополнил: это еще и борьба со своими страхами, с трусостью, обидами, кровоточащими ранами. Это еще и борьба с поверхностностью (если я не думаю, значит, кто-то думает за меня), с заштампованностью и въевшимися в мозг чужими навязанными мнениями.

Как удивительно: труд или борьба? Наверное, правильно, когда для женщины это труд, а для мужчины – борьба.

Пока я пишу – я живой. Как только я перестаю писать или сам не верю тому, что пишу, не принимаю написанное, оно мне не нравится, значит, что-то не так. Произошел какой-то сбой.

Я теряю связь с собой и с миром. Нужно анализировать, что случилось у меня в жизни за последнее время, что меня разрушает внутри.

Очень важно это отслеживать.

Если я не думаю – значит, кто-то думает за меня.

Если я не анализирую ситуацию, значит, я не имею собственного мнения и готов принять точку зрения другого или говорить теми словами, которые когда-то услышал.

Нет такого человека, который возьмет мою жизнь в свои руки и придет к моим целям.

Красивая

Вы красивая.

Но я видел красивых женщин.

И ваша красота построена на внутренних смыслах.

Я вижу, с каким трепетом вы относитесь ко мне, с какой нежностью и уважением говорите обо мне.

Я знаю, что вы не станете обсуждать меня за моей спиной и скажете мне в лицо, когда будет что сказать.

Даже если меня это ранит, я это оценю.

Вы знаете, что больше меня ранит подлость.

Достойная, нежная женщина красива, как солнце, которое меня целует изо дня в день. Вы – солнечная.

Мне хочется вас целовать.

Порой вы можете быть жестокой, я знаю, вижу, чувствую, но ваша жестокость не о том, чтобы ранить другого, а о том, чтобы отстаивать право быть собой.

С вами может быть больно мужчине, если посчитаете, что он слабее вас. Вы не подчиняетесь мужчинам слабее себя, не слушаетесь их, это заметно. Но с вами никому не придется бояться, что однажды в спине может оказаться нож. Вы способны воткнуть нож в сердце, пристально глядя в глаза.

Как же вы прекрасны, восхищаюсь вами.

С вами не страшно, что личные тайны, доверенные вам однажды, окажутся на устах всего окружающего общества.

Вы честны с собой, с миром и нежны с мужчиной, которого желаете. А мужчина нежен с вами.

Я видел достойных женщин до встречи с вами, и у всех, подобных вам, есть одна отличительная черта: они неудобны для окружающего мира.

Вы одиноки, хотя и окружены десятками людей изо дня в день и очень редко бываете одна.

Обнимаю ваше одиночество. Целую с такой нежностью, с какой вы желаете мне доброго утра.

Вы умеете уважать мужчину

Вы умеете уважать мужчину, и это обращает на себя внимание. Рядом с вами хочется всегда держать осанку, целовать вашу руку, подавать пальто. Рядом с вами хочется становиться еще лучше, потому что вы это видите, это цените и не боитесь признаться в том, что вы умеете видеть в мужчине – мужчину.

Вы – смелая. Вы – наблюдательная. Я вас уважаю. Я хочу вас. Я вижу в вас женщину, я нахожу в вас достойного человека, я рад тому, что знаком с вами.

Знаете, я давно понял, что не умру, если вы надумаете от меня уйти

Кажется, я влюбленно ненавижу боль, но сделать мне больнее, чем я делал себе сам, вряд ли кому удастся, разве только смерти того, кто мне дорог. Я научен болью, расту через боль, и одиночества я не боюсь. Ваш уход станет перерождением для меня. Перерождением в нового себя. Поэтому, если захотите по-настоящему уничтожить меня, то пройдите мимо, когда я начну лгать себе, миру, пройдите мимо, когда я начну рыть могилу из ложных убеждений, не свойственных моей душе, когда я начну лепить из себя то, чем я не являюсь. И тогда можете с удовлетворением наблюдать за моей гибелью, в остальных случаях – вы поможете мне стать сильнее.

Если захотите уничтожить то светлое, что между нами было, – сделайте подлость по отношению ко мне, посмейтесь надо мной у меня за спиной, обсудите меня, расскажите другим мои тайны, которые я открыл вам, предайте меня. Я от этого не стану меньше чувствовать, я не стану холодным, разлюбившим, как это описывают порой в стихах, я не перестану любить вас за это, но я изо дня в день буду наполняться презрением к вам (с привкусом жалости).

У меня почему-то всегда презрение с привкусом жалости.

Мои чувства не угаснут, просто я закрою их в себе, запечатаю. Вслед за презрением к вам придет боль, чувство жалости к себе, а затем я перестану находить свет в том, что между нами было.

Я поступал подло, я получал подлость, поэтому проживал то, о чем говорю.

Если вы хотите сделать меня счастливым, то просто кайфуйте от меня так, как я кайфую от вас. Не говорите комплиментов, констатируйте факты – в чем я силен, выражайте чувства не на словах, а прикосновениями, объятиями, поцелуями, кайфуйте от этого и не говорите мне ничего. Поверьте, я буду счастлив.

Если вы хотите быть счастливой со мной день, неделю – отдайтесь моменту так, как отдаюсь я, забудьте обо всем рядом со мной, не думайте ни о чем, кроме меня и своего кайфа. Я еще больше вас буду хотеть, когда буду видеть в ваших глазах радость.

Если захотите быть счастливой со мной дольше, мне нужно вас полюбить. Сердцу не прикажешь, кого любить, это правда, со мной не будет легко. Но если вы не сможете меня полюбить в ответ, я уйду от вас, и от этого мои чувства не угаснут. Они угаснут со временем, но вы не узнаете, когда именно это случится.

Я влюбляюсь в вас не для того, чтобы страдать, хотя неискренность одного из нас обязательно приведет к этому, а для того, чтобы радоваться, получать удовольствие друг от друга, наслаждаться рождением новой истории. Я желаю книгу жизни, в которой одной из глав будете вы, мои чувства к вам и ваши чувства ко мне.

Никто из нас не знает, чем все это закончится, но мы можем быть открытыми, честными в нашей истории и достойно сохранить тот свет, который между нами однажды зажег я, а вы счастливо окунулись в него и делали все, чтобы он не погас.

Мне по кайфу смеяться, у меня есть человек, с которым я могу смеяться изо дня в день, это очень ценно и это связывает крепко, я хочу смеяться с вами. И я не хочу, чтобы вы плакали обо мне, я не хочу плакать о вас.

Однажды вы сказали, что сотканы из противоречий: «Я – самая смелая трусиха». А я вам не сказал, что я – самый смелый трус.

Будем знакомы.

Она умела готовить еду, но не умела любить мужчину

Она умела готовить еду, но он видел, как переедают от женской нелюбви, он недоедал от нелюбви к женщине, ибо едой не заменишь ощущение любви.

Она умела гладить рубашки. Она умела гладить мужчину.

Она была красива, стройна, и многие мечтали бы о такой женщине, оказавшись на его месте, если бы не знали ее маленькую тайну, которую она так и не открыла ему.

Она ходила на курсы минета, но она не умела любить мужчину. Будто где-то услышала, что хороший минет может дать ему ощущение безусловной любви, уверенности в ней и ее чувствах.

Будто у мужчины вместо мозга, сердца и души – член. (Какие «глубокие» познания мужской натуры у того, кто ей это внушил.)

Он бы не поверил, если бы ему попытались внушить, что у женщины вместо мозга, сердца и души – вагина.

Она сумела привязать его к себе. Сексом, общими интересами, увлечениями, общими событиями/праздниками, проведенными вместе. Она узнала, что любит он, и сразу «полюбила» это сама.

Как неудобно быть удобной.

Она умела все. Но не умела любить его.

Она была идеальной несостоявшейся женой. Была хорошей хозяйкой, да. Он бы врагу не пожелал такую жену, хотя неистово ревновал ее ко всему.

Он бы предпочел, чтобы самая отвратительная хозяйка, жена стояла у грязной плиты и смотрела бесконечно влюбленными глазами, какими никогда не смотрела на него она, какими всегда смотрел на нее он.

Чтобы это было взаимно.

Он влюбился в нее, чувствуя, что это не взаимно. Это был его выбор, ему нужно было научиться доверять своему компасу.

А она согласилась на мужчину, в котором не нашла для себя маленького женского счастья.

Она была идеальна, как смерть: и рядом с ней хотелось умереть самому и убить ее (не понимая почему), но не жить.

Он прочувствовал на собственной шкуре, как несчастны мужчины, которые не могут найти причину своих страданий, глядя на своих идеальных жен, которые делают им качественный минет, гладят красиво рубашки, умело массируют плечи перед сном, шепча на ухо «люблю», не любя. Программируя их на безусловную веру и уверенность, что компас внутри неисправен.

Кажется, он однажды узнал, почему мужчина спивается и лезет в петлю с чувством вины за свою никчемную, неуместную жизнь, глядя с любовью на свою идеальную жену.

Он не смог ни в чем обвинить идеального человека. Однажды он проснулся, не переставая любоваться ею, поцеловал так сильно, как никогда ее не целовал, доверился своему компасу и молча исчез.

Он знал, что сможет прожить без массажа, еды, наглаженных рубашек и громких слов, без ее красоты, таинственности и манящего тела.

Он также знал, что не сможет прожить в идеальном холоде, без любви.

Он всегда понимал, что он – мужчина, что в нем есть душа. И его душа – это не член, не желудок, не тело.

Когда я занимался с тобой любовью, или

О насилии друг над другом

Когда я занимался с тобой любовью (у меня был такой жизненный период, мне нужно было подарить свою любовь, я хотел любви, хотя и боялся, но был полон жажды открыть и реализовать ее полностью), у меня всегда было ощущение, что я у тебя первый, что до этого не было никого (хотя я знал, что мужчины у тебя были). Это впечатление было приятно поначалу, но вскоре самым ужасным для меня стало осознание, что и я исчезну из тебя так же бесследно, как и они. И снова в тебе не останется никого, кроме тебя самой.

Так и случилось. Ты не впитываешь в себя мужчину. Звучит странно, но по-другому объяснить свои ощущения от близости с тобой я не могу.

Ты умеешь заниматься сексом, ты романтична и нежна со своим партнером, ты умеешь настраиваться на мужчину, как настраиваешься на процесс, когда пишешь работы, позволяя ему думать, что он властвует над тобой. Представляешь, каково мужчине понять, будучи в тебе, что это не так? Что его в тебе нет. Что он не обладает тобой, а лишь арендует твое тело.

Я даже никогда не задумывался, что так бывает, что такое возможно в принципе в период чистой и яркой вспышки между двумя людьми (я был уверен, что в эти

мгновения мы впитываем своих любовников, как губки – воду). Я никогда об этом не читал и даже не слышал, мне стоило бы тебя поблагодарить за такие уникальные знания.

Ты могла бы быть первоклассной блудницей (потому что тобой невозможно сексуально владеть, в тебе нельзя оставить себя) и после этого оставаться чище слезы для того мужчины, которого ты выбрала бы для себя в будущем. Ты не воспринимаешь мужчину своим телом – это уникальнейшее свойство, с которым я никогда не сталкивался до встречи с тобой. Я предполагаю, что мужчины могут задаваться вопросом: «Почему с ней такой вкусный и нежный секс с привкусом того, что ничего не было? Почему себя нельзя оставить в ней?» Ты теперь понимаешь, почему я хотел тебя, даже когда тебе уже было больно и ты говорила, что больше не можешь?

Потому что для тебя секс – это ничто, это как утренняя пробежка во время ливня. Он есть, но его нет.

Тебе он нужен как разрядка после напряженного дня, а не как энергетический обмен, наполнение и отдача, чувство, что тобой обладают, а ты себя отдаешь добровольно. Мне показалось, что для тебя это – как поесть: просто утолить свой голод, а не погрузиться целиком в процесс, смакуя тело и энергетику другого. Не как создать новый мир.

Если бы ты не была так закрыта, окутана таинственным туманом загадок, догадок и говорила мне прямо о своих ощущениях, я бы принял, что дело во мне, что я такой отвратительный любовник.

Я всегда отвратительный любовник, когда я не нужен.

Для нас двоих, если смотреть правде в глаза, секс был насилием. Физическим насилием для тебя, эмоциональным – для меня.

Но, признаться честно, мне нравилось доставлять тебе боль физическую во время близости. Так я знал, что ты можешь чувствовать хоть что-то, хоть боль.

Я не получал от тебя того, что мне было нужно, и от неспособности что-то изменить и уйти от тебя – я тебя насиловал, утешая себя тем, что и тебе это нравится.

Мне не нужна коллекция разбитых сердец, жалкая потеха для эго, но эго от этого сытее не становится, если оно нуждается в том, чтобы его насыщали чужими страданиями. Ты считала меня дураком, конченым романтиком, который не думает ни о чем, кроме секса, чьими поступками движет похоть, животный инстинкт, но никак не трезвый рассудок.

Ты умнее меня, ты обожжена сильнее, хотя строила из себя наивную дуру. Я акул чувствую, а не вижу, хотя ты всегда говорила, что это не так. Ты обожглась не меньше меня этим опытом, мне много времени понадобилось, чтобы это понять.

Ты часто снилась мне, а ощущение недосказанности пожирало мою энергию и тягу к жизни.

Тебе никто не объяснит, почему к тебе тянет с такой силой, которой противиться практически нереально, и пойти против нее – значит пойти против ветра, сбивающего с ног, – и падать, падать, падать, чтобы в конечном итоге встать и приручить этот ветер; почему к тебе привязываешься моментально и так крепко, что если отрывать себя от тебя, то только с кровью. Тебе никто не объяснит, почему рядом с тобой испытываешь неземное блаженство, когда держишь тебя за руку, придумывая себе, что ты чувствуешь то же самое, что я чувствую по отношению к тебе. Тебе не расскажут, почему в то же время рядом с тобой хочется сдохнуть оттого, что ощущаешь себя самым одиноким и никому не нужным человеком в этом мире.

Мне хотелось сказать тебе: «Не живи с нелюбимыми», но подумал – а чем я лучше тебя, чтобы давать тебе советы? Догадываюсь, почему так поступаешь, но ведь нас окружают живые люди, и самое честное, что можно сделать, наслаждаясь своими любовниками, – не говорить им «люблю тебя», не любя.

Есть масса других способов поблагодарить их за то, что они, цвета нашей жизни, стали частью нашего пути. Это самый жестокий способ благодарности из всех, которые я знаю, маленькая, самовлюбленная женщина.

Нет преступления в честности.

Страшно перестать верить собственному сердцу, доверяя другому.

Он строил себя

Человек, мой кайф, мое чудесное сегодня (не завтра, не вчера) имеет право на личное время, проведенное без меня, мне не должно быть от этого больно.

Потому что он имеет свои потребности и желания, свои границы и собственный мир, который он строил десятки лет до встречи со мной.

Он строил себя в то время, когда я строил себя или строил из себя что-то.

Он по кирпичику себя создавал, его мир – его труд, его боль, его опыт и переосмысление, переоценка ценностей, его мир – его крепость.

Он, мое мгновение кайфа, моя доза влюбленности, которая не должна меня убить, погубить, отравить мою душу, имеет собственные границы: эти границы нужны ему для того, чтобы не убить, не погубить, не отравить свою душу мной; для того, чтобы не терять себя и знать, где я, а где он. Когда границы стерты, легко заблудиться в другом и стать другим, потеряв себя, забыв о себе и о каждом кирпиче, положенном в свою крепость.

Он, моя услада, запах мандрагоры, не доводящий до беспамятства и безрассудства, хочет такого же кайфа, какого хочу я.

Мы оба хотим кайфа, и этот кайф берем из разных источников, помимо того общего источника, созданного из нас, что наполняет (насыщает) нашу плоть и душу. Иметь разные источники наполнения себя миром (увлечения, смыслы, цели) – норма.

Не норма – прирастать к человеку и жить им одним (мне же не нужен раб? мне же не нужен сиамский близнец?).

Мне нужен человек, личность, мне важна близость, этого я не смогу испытать в одиночку. Мне хорошо рядом с ним, хотя и без него мир стоит и будет стоять: небо не упадет, земля на две части не расколется, воздух не исчезнет, а нутро не возгорится реальным пламенем.

Не норма – считать другого собственностью, рабом лишь потому, что не хочется упустить свой кайф.

Мой главный кайф должен быть всегда со мной, внутри меня. И чем больше кайфа я вложу в самого себя, тем человечнее я буду себя вести рядом с человеком, которым наслаждаюсь.

И чем больше он наполнит самого себя, тем независимее и свободнее он будет себя чувствовать рядом со мной.

Момент

Мне в последнее время все больше кажется, что жизнь состоит из моментов: если ты идешь в кинотеатр, то ты проживаешь момент за просмотром фильма, ты полностью растворяешься в этом фильме, если он тебе интересен, выключаешь все мысли, все задачи, которые нужно решить, и оставляешь их у входа в зал или, еще лучше, дома.

Если это сладостная встреча с человеком, то ты растворяешься в нем. Когда я говорю, что можно целоваться по несколько часов, чаще всего мне не верят, думая, что это преувеличение. Влюбленность прекрасна. Не только в человека: в фильм, в книгу, в то дело, которое ты делаешь со страстью. Просто порой трудно вовлечь себя целиком и полностью, забыться в этом моменте.

Тот случай, когда берешь в руки чудесную книгу, а в мыслях – незавершенные дела, диалоги, ежедневные задачи, целуешь женщину в губы и вместо того, чтобы целиком отдаться этому поцелую, наслаждаясь и упиваясь им, уходишь в свои мысли. И получается, ты не можешь испытать момент, потому что ты и не решаешь задачи, и не присутствуешь рядом.

На мой взгляд, одно из важнейших умений – умение быть здесь и сейчас, кайфуя от момента. Полностью отдаваясь этому моменту, не думая больше ни о чем другом. Когда отключаешь мысли, оставляешь дома все проблемы и исчезаешь в источнике своей влюбленности, тогда и останавливается время. Тогда и можно по-настоящему прожить маленькую новую жизнь, будь то встреча с женщиной, с

друзьями, просмотр хорошего фильма или чтение полезной и увлекательной книги.

Хрупкая девочка

Она хрупка, нежна и восхитительна, как вербная веточка.

Я сразу узнал ее – ту, от которой мне стоило бы держаться подальше, если бы дорога была жизнь без нее.

Это сила взаимного притяжения. Это сила, пробирающаяся в самое нутро и заполняющая собой все, чем я являюсь.

Я хожу за ней хвостиком, куда бы она ни пошла. Я не могу отстать от нее, я как пиявка, которой все мало. И мало. И мало.

Я присосался к ней, а отлипнуть не могу. Ни днем, когда разговариваем часами на кухне, ни вечером, когда занимаемся в спальне друг другом, ни утром, когда она готовит омлет и странный бутерброд с сыром и вишневым вареньем. Чтобы оценить, нужно, наверное, уметь отделять один вкус от другого, любопытно. Или просто наслаждаться новым вкусом.

Люблю необычное.

Самое удивительное, что мне не нужно ничего рядом с ней. Только она. Сон? Да и сон не нужен: спим всего несколько часов в сутки, энергией (эмоциями) заряжаем друг друга. Не знаю, сколько будет длиться это состояние – потери реальности, отсутствия времени. У меня зачастую так происходит тогда, когда я творю: я исчезаю из комнаты и переношусь в рукопись, там живу часами, сутками, неделями.

А я просто к ней прилип.

Мне не стыдно. Мне уже и не страшно, важно сделать выбор, а когда его сделал, то остается только следовать ему, хоть и сомневаясь периодически.

Почему она не боялась этой силы?

Почему эта сила пробудила в ней безусловное принятие всего, что мне дорого? А еще – спокойствие, чувство защищенности.

И почему эта сила пробудила во мне безусловную ревность ко всему, что дорого ей? А также бессонницу, тревожность и стойкое ощущение, что отлипнуть от нее не смогу еще долго.

Она будто подобрала ключ и открыла. Я будто не могу напиться. Хотя пью. И пью. И пью. И пью.

Дурак и дуреха

Они учились в одиннадцатом классе. Когда она здоровалась с ним, он не смотрел на нее, шел вперед (в своих мыслях) и не здоровался в ответ. Единственное место, где они могли поговорить друг с другом, – это курилка, там все друг с другом разговаривали.

Она – маленькая папина дочка, метр пятьдесят, такая тихая и скромная при учителях, при папе, когда он забирал ее на машине домой. Он всегда забирал ее лично.

И такая модная, уже имевшая опыт с мужчинами, ругающаяся трехэтажным матом, заряжающая пошлые и язвительные шуточки, она идеально вписалась в небольшой, но курящий и пьющий коллектив.

В том классе парней было почти в три раза меньше, чем девчонок. И справедливо будет сказать: не то чтобы голос хулиганистых, задиристых, отпетых девчонок был решающим, но их было больше, они нападали и клевались сразу все вместе – командир сказал: «в бой», и бойцы шли в атаку. Конечно, неверно было бы и сказать, что ни у кого из парней на тот момент не было яиц, но чертовски уместно было бы заметить, что таких яиц, как у главной хулиганки бабской компании, точно не было ни у одного.

Девчонок в этом классе парни не обижали и даже, больше того, – сами побаивались, чтобы их лишний раз не тронули, не высмеяли.

По отдельности все девочки проявлялись по-другому, такие душечки, в которых и нечаянно влюбиться можно, но все вместе – как отпетое хулиганье.

Даже госпожа королевна, решающий голос женского войска, чаще всего воспринимавшаяся как диктатор, а не как девушка, с которой можно было бы поговорить по душам, – даже она в одиночку расцветала и пахла как чайная роза, представала как особа, которую хотелось бы узнать поближе.

Но у всех у них вместе срывало крышу в одночасье, будто бы они надышались каким-то галлюциногенным газом.

Были и такие парни, что на словах могли дать отпор, но чаще всего на девчат старались особо не обращать внимания и держаться своим маленьким пацанским коллективом, в стороне. И всю мужскую и женскую половину могли объединить только два места – курилка возле школы и актовый зал, где проводились дискотеки, пьянки (втихаря). Да еще и парк…

Тогда как-то все проходило более или менее дружно, весело (когда всем весело, а не когда одни смеются над другими), под действием алкоголя все становились добрее и проявляли некое благородство – переставали клевать друг друга и начинали все вместе клевать учителей, которых не было рядом, да и просто петь, мирно кайфовать, танцевать, находить общие темы.

Во время такой вот гулянки почти что родилась одна пара в классе. Папина дочка, пошлячка, курносая кнопка каким-то неизвестным образом оказалась на коленях у своего одноклассника – то ли они много выпили, то ли нашли какую-то особую тему, которая дала ему повод усадить ее к себе на колени и обнимать. Крепко обнимать, будто она может упасть и разбиться.

Кажется, нравилась она ему, но он себе нравился еще больше, она пахла тем, что надо было ему, и это странное сближение произошло только во время алкогольного опьянения.

После этого случая они встретились одним утром в курилке перед уроками и ничего друг другу не сказали. Он заметил, что она начала проявлять какое-то

странное, неожиданное внимание к одному высокому кареглазому парню, который не учился с ними в одной школе, но периодически приезжал на своем велосипеде, чтобы поболтать, попросить сигарету или угостить сигаретой. Чужаком его никто не считал – добрый, общительный парнишка, которого все знали и как-то по-своему любили – как «своего». Он был обаятельным. И под его обаяние попадали все: и парни, и девчонки.

Он вроде как учился в колледже и частенько прогуливал занятия.

Кнопка неожиданно начала с ним много разговаривать, проявлять к нему какой-то чрезмерный интерес, чего раньше за ней не замечалось. Ее однокласснику, который сажал ее к себе на колени, это, разумеется, не понравилось. И вот, терпев-терпев и не вытерпев, он подошел к ней и сказал прямо: «Пойдем отойдем в сторону и поговорим» (кстати, в тот момент одноклассник внезапно перестал попадать под обаяние того, кто ей понравился). – «Пойдем».

И они отошли подальше от всей шумихи, чтобы поговорить в тишине.

Его тогда потряхивало так, будто он собрался прыгать с парашютом с высоты четырех тысяч метров, и, похоже, это было очень заметно. Это же не пьяным усадить на колени маленькую выпившую леди и обнять, у трезвого решимости было куда меньше. Да и не особо он разбирался, как правильно.

«Слушай. Это… ты мне нравишься. Давай встречаться, а?» – робко и неуверенно сказал он, ему не нравилось быть в такой нетипичной для него ситуации, но еще больше ему не нравилось наблюдать за чем-то непонятным и одновременно неприятным в курилке.

«Нет, не могу», – ответила она спокойно. Он попросил: «Ну, пожалуйста!» – будто от ее ответа зависела его жизнь, он буквально вымаливал ее согласие.

Ему было стыдно, хотелось провалиться сквозь землю от такого позора, но он готов был идти до конца.

«Нет, я не могу», – сказала она и придумала какие-то нелепые причины – что не готова, что отец против, что времени нет. Но ее глаза как-то странно смеялись.

«Ну и пошла в задницу, – сказал он про себя, а ей ничего не ответил. – Больше ни слова тебе не скажу, буду игнорировать до самого выпуска и смотреть не на тебя, а сквозь тебя, будто ты прозрачная».

Ему было чертовски неприятно и обидно, какое-то время он даже не появлялся в курилке от стыда, но вскоре решил – пусть лучше она сбежит из курилки, а не он. И вернулся, но уже другим – перестал ее замечать, обращать на нее внимание, а с тем парнем, ее внезапным любимчиком, начал общаться даже больше, чем раньше.

Прошло время. Ее интерес к кареглазому обаяшке постепенно угас. Угасать начала и обида ее одноклассника, ему, откровенно говоря, стало почти что плевать на нее. Во-первых, он начал снова общаться с девочкой, с которой все однажды резко оборвалось, во-вторых – обратил внимание еще на одну, из десятого класса.

Милая, темненькая фея. Такая скромная, тонкая, с большущими красивыми глазами, которые ему всегда улыбались, когда он смотрел на нее и здоровался с ней. Он единственный из своего класса с ней здоровался и дарил ей свою улыбку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/vyacheslav-prah/obnimayu-vashe-odinochestvo

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити